

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

П. С. ГУРЕВИЧ

К дискуссии о религии*

В конце прошлого века философы и психологи сделали поразительное открытие: оказывается, развитию человечества мешают мировые религии. Появилось предположение: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. Если до сих пор, начиная с эпохи Возрождения, развивался процесс секуляризации, то сейчас маятник качнулся в другую сторону. Расколдованный («разволшебствованный», по слову М. Вебера) мир двинулся в сторону набожности. Начался «реванш богов» — именно так социологи называли этот феномен. Взметнулась критика рационалистической традиции, возник обостренный интерес к вере.

Религиозный бум вовсе не сопряжен с экуменическими тенденциями. Он происходит в форме рехристианизации, реиндуизации и реисламизации мира. Рождаются мощные фундаменталистские движения. Их природа оказалась двойственной. С одной стороны, фундаментализм апеллирует к традиции и, опираясь на нее, развенчивает прогрессистские иллюзии. С другой стороны, он предполагает не столько разматывание назад витков исторической спирали, сколько движение нового социального идеала.

Европа затрепетала от исламской угрозы. Восток возвестил кончину белой расы в ис-

торической перспективе. Громко заявил о себе афроцентризм. Поэтизация расы нашла отражение

в стремлении Японии вернуться в Азию, в «индуизации» Индии, в реисламизации Ближнего Востока. Американский социолог С. Хантингтон предупредил человечество о том, что в современном мире грядет противоборство цивилизаций, вскормленных различными религиями. Взаимовлияние культур, которое А. Тойнби называл «радиацией культуры», а Н. Данилевский — «почвенным удобрением», исчерпало себя. Теперь — отторжение.

В древнем мире существовало многобожие. Потом возникли мировые религии, которые объединяли людей независимо от этнических, языковых или политических связей. Сегодня существует множество верований. Порой они эксцентричны, странны. В них подчас сплетены богомольные представления, заимствованные из разных религий.

Неужели все это призвано разъединять людей и даже спровоцировать их истребление?..

Существует представление о том, что после эпохи Возрождения началось постепенное «отступление» религии в европейской истории. Этот процесс был связан, по мысли М. Вебера, с особым парадоксом в рацио-

* Окончание. Начало в №1 за 2007 год.

нальности «западного типа». По мере углубления процесса рационализации, который начался с размышления о религиозной картине мира, стал происходить спад религиозности.

Если спросить европейца, какое главное качество отличает человека от животных, он наверняка ответит: разум, сознание. Средневековый отшельник имел множество неукоснительных требований, которые подчиняли его жизнь строгим регламентациям. «Характерной чертой именно западного монашества, — пишет М. Вебер, — является отношение к труду как к гигиенически-аскетическому средству, и значение труда растет в отличавшем величавшемся простотой уставе цистерцианцев. В отличие от нищенствующих монахов в Индии на Западе нищенствующие монахи вскоре после их появления были поставлены на службу церковной иерархии и рациональным целям: систематической *caritas* (милосердие), которая на Западе превратилась в рациональное «предприятие», проповеди и суду над еретиками. Наконец, орден иезуитов полностью отказался от негигиенических запретов древней аскезы и установил рациональную дисциплину в деле достижения церкви¹. Так, в европейской культуре формировался принцип рациональности. Рациональность (*rationalis* — разумный, *ratio* — разум) — принцип разумности, основанный на разуме, адекватный критериям разума.

Понятие «рациональность» является ключевым для М. Вебера, поэтому важно подчеркнуть, что в работах по социологии религии немецкий ученый пытался выявить социокультурные основания и границы рациональности. По его мнению, чем больше прогрессирует интеллектуальная и прагматическая рационализация мира, тем больше религия по ряду причин оттесняется в область иррационального.

Слово «секуляризация» происходит от слова «секулярный», которое является антиподом слова «сакральный» — священный. По мнению Вебера, чем дальше развертывался процесс рационализации в европейской

культуре, тем больше происходит «расколдовывания» этого мира. С него был сорван покров «тайны». Стало происходить разрушение религиозной «картины мира», этой фундаментальной предпосылки «западного типа рациональности», что угрожает существованию его самого. Религиозная рационализация ведет к «обезбоживанию мира», прежде всего теоретическому (в рамках «картины мира»), а затем и к «практическому» («расколдовыванию» внутримирской деятельности), а это, в свою очередь, ведет к «обессиливанию» самой религии. Возрастание роли науки задает направление рационализации в радикально «расколдованном» мире.

Секуляризация в культуре Запада нашла свое отражение в падении авторитета традиционного христианства. Родилась тенденция к тому, чтобы приспособить религию к мирским, житейским представлением. Это явление может быть названо «дехристианизацией». Этот процесс имел в европейской культуре далеко идущие последствия, выходящие за пределы чисто религиозных проблем. Так, в частности, культурологи отмечают нарастание кризиса личности на Западе. Эта тема становится безграничной по своему охвату.

Назовем основные черты секуляризации. Во-первых, культура стала отдаляться от христианства и становится более автономной. Что касается христианства, то оно принимало более практически, «обмирщенные» формы. Проявился и процесс дехристианизации, то есть преобразование христианских догматов и даже отказов от них. Одновременно происходило искажение основных принципов и ценностей христианства. Секуляризация проявилась также в попытках замены веры разумом и в отказе от признания значимости церкви.

Своеобразным проявлением секуляризации оказался кризис личности. Человек лишился устойчивой системы ценностных ориентаций, утратил чувство самотождественности. Люди перестали верить в то, во что верили раньше, а так как новые ценности

еще не сформировались, сложился ценностный вакуум. Таким образом, личность не может найти себя ни в ценностях нововременной культуры (проект Просвещения), ни в христианстве, что чревато возвратом к языческим формам верований, возвратом в докультурную реальность.

Понятие секуляризации широко используется в социальных и гуманитарных дисциплинах. Его используют также теологи различных конфессий. Очевидно, что существует множество подходов к содержательному пониманию секуляризации как феномена. Определяя секуляризацию, культурологи и теологи, естественно, исходят из собственного положительного или отрицательного отношения к этому процессу, из конкретного понимания специфики христианства, возможностей ее эволюции и приспособления к современной западной культуре. Само собой понятно, что при этом возникает вопрос о том, каким должно быть христианство в начавшемся столетии.

В православии секуляризация считается богоотступничеством, которое приводит к обмирщению культуры. По этой причине активность человека утрачивает свою связь с Высшим Бытием. Разумеется, отсюда рождается крайне негативное отношение православия к секуляризации. Поэтому решительно осуждаются всякие попытки осовременивания христианства.

Первоначально католические теологи тоже резко осуждали секуляризацию, связывая ее с распадом культуры, кризисом христианского персонализма. Однако поскольку разрыв между католицизмом и реальной повседневной жизнью постоянно возрастал, католики на II Ватиканском соборе переоценили свое отношение к секуляризации. Их позицию можно назвать теперь примирительной, поскольку они видят в секуляризации «определенную фазу культурного развития, с которой католическая церковь находится в согласии и которую считает проявлением Божественной воли».

Протестантские теологи занимают сходную позицию, поскольку они заняты рефор-

мированием христианства, надеясь на этой основе примирить секуляризацию с христианством. В работах таких протестантских теологов, как Т. Альтицер, Д. Бонхейфер, Р. Бульман, П. Ван-Бурен, Г. Ваханян, В. Гамильтон, Х. Кокс, предпринимаются попытки сократить дистанцию между модифицированным христианством и секуляризированной культурой. Так, по мнению протестантов, может родиться новое христианство, которое будет учитывать реальность наступившего века.

Наиболее ярким обнаружением секуляризации христианства в западной культуре последнего времени оказывается преобразование ее в антропоцентрическую религию. Это можно проследить, во-первых, в том, что человек пытается подменить богооткровенные истины плодами своего собственного человеческого мышления. Кроме того, современные католики и протестанты считают, что человека можно рассматривать как автономное суверенное существо, которое не подчиняется Божественной воле. Наконец, католики и протестанты полагают, что назначение христианства — служить человеку.

Можно провести культурологическое различие между традиционным средневековым христианством и современным его вариантом. Средневековое христианство было основано на традиции, базирующейся на религиозных догматах. Как и любая традиция, эти догматы уходили корнями в прошлое. Индивид принимал их без критической оценки, поскольку они носили надличностный, абсолютный характер.

Современная информационная цивилизация, истоки которой восходят к культуре Возрождения, имеет радикально иные черты. Если в традиционном обществе неукоснительной ценностью был культ и авторитет обычая, то в современной культуре в ранг ценности возводится все новое, оригинальное, отторгнутое от традиции. В традиционном обществе индивид был членом сословия или корпорации, к которой он принадлежал, в современной культуре утверждается автономия личности.

Попробуем рассмотреть различие во взглядах традиционной и современной культуры на примере исследовательской деятельности Э. Фромма. Он пишет: «Развитие религии и философии после средневековья носит слишком сложный характер... Оно характеризуется борьбой двух принципов: христианской, духовной традиции в теологической и философских формах и языческой традиции идолопоклонства и бесчеловечности, которая принимала множество различных форм в процессе развития того, что можно было бы назвать «религией индустриализма и кибернетической эры»².

Фромм отмечает, что основой индустриальной религии стал новый социальный характер. Суть его составляет страх и подчинение могущественной мужской власти, культивирование чувства вины за непослушание, разрыв уз человеческой солидарности из-за преобладания своекорыстия и взаимного антагонизма. В индустриальной религии «священны» труд, собственность, прибыль, власть, даже если эта религия и способствовала развитию индивидуализма и свободы в рамках своих основных принципов. Превращение христианства в строго патриархальную религию сделало возможным выразить индустриальную религию в терминах христианства³.

Проект свободы человека в обезбоженном мире обрисован в сочинениях Ф. Ницше и Н. А. Бердяева. Немецкий философ считал, что в мире, где нет Бога, для человека открываются возможности полной свободы самоутверждения. Человек может сам стать Богом. Что же касается Н. А. Бердяева, то он доказательно показывает, что, отвергнув Бога, человек обрекает себя на различные формы рабства.

Еще в конце 60-х годов прошлого века социологи и культурологи столкнулись с весьма парадоксальным процессом. С одной стороны, многочисленные факты свидетельствовали о симптомах глубокого кризиса господствующей церкви: сокращалось число прихожан, ослабевал интерес к ритуалам, снижался религиозный энтузиазм верую-

щих. Но вместе с тем, по данным социологических исследований, многие, даже порвавшие с традиционными представлениями о Боге, продолжали считать себя причастными к религии.

Можно ли покинуть традиционную церковь и остаться верующим? Оказывается, можно, так как в противовес официальной религии среди населения возникло увлечение неканоническими, нетрадиционными, непривычными культурами. Набожные чувства определенной части людей устремились в иное русло. Появились новые религиозные кумиры, провозвестники, то есть обладающие особой божественной силой, лидеры. Они возвестили миру новые «истины», поведали о мистических «прозрениях». Что касается традиционных способов систематизации религиозных воззрений, привычных религиозных переживаний, то к ним пророки и приверженцы «новых религий» оказались безразличными. Так, нетрадиционная религиозность превратилась в стойкий культурный феномен.

Феномен нетрадиционной религиозности — одно из характерных явлений современной духовной жизни. Суть его состоит в распространении вероучений, не связанных с привычными, традиционными религиями. Спектр этих увлечений довольно широк. Не случайно по-разному обозначаются они и в культурологии: «внеисповедная религиозность», «светский гуманизм», «эзотерическая (т.е. предназначенная для посвященных) культура», «бунтарские духовные искания», «внеконфессиональная (то есть внеисповедная) религиозность». Эти термины не все точны и удачны. Для обозначения анализируемого культурологического явления мы будем пользоваться словом «новые религии».

Долгое время американские культурологи, фиксируя снижение канонической религиозности, объясняли этот факт конфессиональным плюрализмом. Они как бы приходили к утешительному для них выводу, что религиозная вера не устраняется, а принимает лишь другие формы. Но вот на прилав-

как появилась книга «Религия в Америке». Ее авторы попытались дать более целостную картину различных религиозных течений, существующих в США. Они подробно описали 19 наиболее крупных деноминаций, то есть названий различных церквей. Но при этом обнаружился сенсационный факт. Оказалось, что хотя церквей в США много, почти 70 млн. американцев не принадлежат ни к одной из многочисленных сект или общин. Они вообще не связаны с церковью. Такое сообщение не могло не поразить умы.

Американский культуролог Дж. Натансон выразил тревогу с предельной ясностью. «Вот что же они верят?», — изумленно спрашивал он. Отход верующих от церкви стал все сильнее волновать специалистов. Модные веяния захватили поначалу лишь определенные круги интеллигенции. Однако затем богоискательские тенденции получили широкое распространение. Они проникли в сознание средних слоев населения, завладели умами молодых людей. Поиск новых образно-чувственных, религиозно-практических установок, экзотических верований оказался весьма интенсивным.

Среди «новых религий» можно назвать неохристианские религии. Их сторонники стремятся к предельному опрощению христианской веры. Иисус Христос фигурирует у них в образе молодого человека, облаченного в джинсы и с гитарой в руках. Огромный интерес вызывают восточные, религиозные культы. Традиционные представления о «тайнах Востока» и вместе с тем динамизм и глубина преобразований, охвативших значительную часть человечества, обуславливают появление идей о рождении нового человека, особого «азиатского» или «африканского» типов личности, о скрытых пружинах истории, механизм которых неожиданно «заработал» в современную эпоху.

Однако «трансплантации» восточных культов на европейскую основу чаще всего не приносят желаемого, не обогащая ни западную, ни восточную традицию и, главное, не придавая им нового жизненного импульса. Возникает не сплав культур, а их прими-

тивная смесь. Ломка привычной социально-культурной среды — процесс длительный и болезненный. Вот как характеризует эту ситуацию герой романа Г. Гессе «Степной волк» Гарри Галлер: «У каждой эпохи, у каждой культуры, у каждой совокупности обычаев и традиций есть свой уклад, своя подобающая ей суровость и мягкость, своя красота и своя жестокость, какие-то страдания кажутся ей естественными, какое-то зло оно терпеливо сносит. Настоящим страданием, адом человеческая жизнь становится только там, где пересекаются две эпохи, две культуры и две религии. Если бы человеку античности пришлось жить в средневековье, он бы, бедняга, в нем задохнулся, как задохнулся бы дикарь в нашей цивилизации. Но есть эпохи, когда целое поколение оказывается между двумя эпохами, между двумя укладами жизни в такой степени, что утрачивает всякую естественность, всякую преемственность в обычаях, всякую защищенность и непорочность!»⁴.

В конце прошлого века обнаружилось явление, которое не предвидел ни один культуролог или религиовед. Началось религиозное возрождение. То, о чем писал Н. А. Бердяев: «Опять возможны станут страстные споры о тайнах божественной жизни», судя по всему, становится реальным. Начавшийся в эпоху Возрождения процесс секуляризации дал отмашку: маятник качнулся в другую сторону. Расколдованный («разволшебственный», по слову М. Вебера) мир двинулся в сторону набожности. Начался «реванш богов», именно так культурологи назвали этот феномен. Усилилась критика рационалистической традиции, возник острый интерес к вере. Но религиозный бум вместе с тем установил четкие демаркации.

Вот что пишет об этом американский культуролог Э. Тоффлер в книге «Метаморфозы власти»: «Когда Салман Рушди выпустил роман «Сатанинские стихи», опьяненный кровью аятолла Хомейни объявил книгу богохульной, призвал правоверных к убийству автора и обратился с историческим по-

сланием к правительствам всех стран мира. Послание это мгновенно было передано по спутниковой связи, оно появилось на телевидении и в печати и при всем том осталось абсолютно непонятым⁵.

В действительности Хомейни объявил, что «суверенные» государства вовсе не суверенны, что они подлежат власти нынешнего сюзерена, шиитской церкви, и границы этой власти определяет он, Хомейни. Что религия или церковь имеет права, стоящие выше прав государств. По мнению Тоффлера, абсолютно иной вариант того же явления — возрастающая глобальная мощь католической церкви. Папская дипломатия последнее время участвовала в основных политических подвижках — от Филиппин до Панамы. Вся эта религиозная активность — часть поднимающегося наступления на светские основы жизни, которые, по мнению Тоффлера, лежат в фундаменте дипломатии индустриальной эпохи и поддерживают разумную власть между церковью и государством. «Если Европа станет христианским, а не светским сообществом, какое место в ней займут неверующие, или индуисты, или евреи, или 11 млн. иммигрантов-мусульман, которые с недавних пор стали в Европе дешевой рабочей силой?»⁶

Неужели все это призвано разъединить людей и даже спровоцировать их истребление? А ведь религия издревле считалась явлением мировой культуры. Культурологи всегда подчеркивали, что любая религия — это переворот в духовном развитии человечества. Неужели культуры, одухотворенные Божьим словом, обречены на конфликт и фатальное разъединение? Действительно ли мировые религии могут расколоть человечество? Попробуем взглянуть на проблему глазами культуролога, чтобы через анализ психологических механизмов понять, откуда берется образ врага, который принял сегодня зловещие формы?

Ни отдельный человек, ни культура в целом не могут существовать без ощущения своей тождественности. Глубинная, трудноуловимая потребность человека — воспри-

нять свои корни, свою почву, прочность уз с другими людьми. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, оказывается просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая давала бы ему возможность отождествить себя с другим признанным образцом.

То же самое относится и к культуре. Каждая из них пытается выразить собственное ценностно-смысловое содержание, осознать себя как некую особость. При этом рождается понятная отстраненность от тех, кто иначе воспринимает мир, демонстрирует специфические черты. Как относиться к этому непохожему? Можно принять это в качестве уникального, своеобразного, непостижимого. Не исключено ощутить иное в качестве «гражданина мира» как свидетельство разнообразия мира.

Но можно принять и другой ход мысли. Платон считал, что варвары являются естественными врагами греков и что с ними нужно вести борьбу вплоть до полного их порабощения. Аристотель считал, что варваров следует оценивать как рабов по природе. Не доставляло ли язычникам неизъяснимое блаженство, когда первых христиан, завернутых в промасленные ткани, превращали в пылающие факелы? Непохожее надо уничтожить...

Противопоставление, построенное по схеме «мы» и «они» — одно из древнейших. Сталкиваясь с другим жизненным укладом, другими традициями, непонятными нравами, люди культуры сопоставляли это со своими собственными и нередко агрессивно отвергали. Это иное заслуживало осуждения и искоренения. Манихеи учили, что мир изначально разъединен. Свое — это мир света, чужое — мир тьмы. Противостояние фатально...

Прошлый век вошел в историю как столетие концепции диалога, полифонии... Мы пишем сегодня о мире человеческих окликаний. Человеческое бытие хрупко, но стойкость его зависит от душевной и умственной отзывчивости. Услышать голос! Далекий,

чуждый и, возможно, неслышимый. Выйти в мир другой человеческой вселенной. Ощутить посторонний голос как особую точку зрения. Как все это несовместимо с давней традицией вынашивания образа врага, меняющего свои лики, но возрождаемого в плодотворном лоне.

«Пророки, апостолы, пастыри, ученики Христовы во всех народах, следуя Слову своего Учителя и Господа, возвещают духовную, то есть самую глубокую революцию человечества. Ведь какие бы социальные реформы не совершались в революции, ни производились в мире — они ни к чему счастливому не приведут человечество, если сам человек будет оставаться эгоистом и в нем не будет совершаться духовный процесс борьбы за добро, за правду и любовь — то есть та истинная революция мира, истины и любви, правды и добра, которую принес на землю Свет мира — Христос и, по вере человека, совершает ее в человеке»⁷.

Будущее религиозное возрождение не должно превратиться в схватку мировых религий, в столкновение цивилизаций. Между тем игра новых глобальных сил в будущих десятилетиях не может быть понята сегодня без учета возрастающей власти ислама, католицизма и других религий — равно как и глобальных конфликтов войн за веру.

Каким будет мир будущего — религиозным или безбожным? Эта проблема представляет огромную важность для человечества. Начиная с эпохи Возрождения, начался мощный процесс секуляризации, который олицетворяет разрыв с традиционным христианством. Сегодня многие социальные критики показывают отрицательные последствия этого процесса. Секуляризация привела к кризису личности, процессам дегуманизации. Она породила псевдохристианские секты. Культура постмодерна по своим основным мировоззренческим принципам является антихристианской культурой. Однако трагизм темы связан с тем, что сегодня во всем мире говорят о религиозном буме. При этом выясняется, что дальнейшее развитие человечества осложняется столкновением мировых религий.

¹ Работы М. Вебера по социологии религии и культуре. Вып. 2. М., 1991. С. 203.

² Фромм Э. Иметь или быть? М., 1986. С. 167.

³ Там же. С. 169.

⁴ Гессе Г. Избранное. М., 1977. С. 222–223.

⁵ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001. С. 557.

⁶ Там же. С. 560.

⁷ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 477.

Из хроники научной жизни

25 апреля 2007 г. состоялось 15-е заседание Русского Интеллектуального Клуба по теме: «США как главный противник России: заблуждение и понимание». С докладами выступили ректор МосГУ профессор И. М. Ильинский, заведующий отделом Азии и Африки ИНИОН РАН А. И. Фурсов, начальник научно-методического Центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба профессор, генерал-майор И. С. Даниленко. Участники Клуба обсудили проблему противостояния США и России, проанализировали предложенные в докладах различные подходы к понятию «холодной войны», остановились на тех проблемах, с которыми сталкиваются сегодня страны Восточной Европы. Материалы заседания будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Знание. Понимание. Умение».